
ИНТЕРВЬЮ INTERVIEW

ПРОЕКТ: ДЕРЕВО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ PROJECT “A TREE OF CULTURAL-HISTORICAL PSYCHOLOGY”

ИНТЕРВЬЮ С Н.Н. ТОЛСТЫХ: «Я ОТНОШУСЬ К ТОЙ ЛИНИИ, КОТОРАЯ СВЯЗАНА С БОЖОВИЧ»

Представлено интервью с доктором психологических наук, профессором Наталией Николаевной Толстых, заведующей кафедрой социальной психологии развития МГППУ.

Наталья Николаевна, расскажите, пожалуйста, как возник Ваш интерес к психологии?

Случайно, если честно. Это был тысяча девятьсот шестьдесят шестой год, двойной выпуск. Наше министерство образования тогда решило, что хватит детям учиться одиннадцать лет, теперь будет десять. И в один год два выпуска — все одиннадцатые классы и все десятые. С учетом того, что это был гребень демографической волны, выпускников было несметное количество, поэтому во многих престижных вузах заметно подняли планку трудностей вступительных экзаменов — что-то же надо было делать с этой толпой. Я недобрала один балл на мехмат, где только и хотела учиться. Тогда одна моя одноклассница, которая тоже не поступила на мехмат (она успешно сделала это на следующий год), сказала:

Для цитаты:

Интервью с Н.Н. Толстых: «Я отношусь к той линии, которая связана с Божович» // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 2. С. 151—160. doi: 10.17759/cpp.2018260210

«Слушай, а здесь открыли новый факультет — психологический, пойдём туда, чтобы год не терять». И мы пошли. Я поступила. Вначале честно думала, что не буду заниматься никакой психологией, а только родной математикой. А у нас, представляете, Александр Романович Лурия читает введение в профессию — шансов не полюбить психологию просто не было. Где-то к концу первого семестра я поняла, что, пожалуй, здесь и останусь. И потом, у нас была очень интересная группа, весь набор из пятидесяти человек были просто один к одному — интереснейшие ребята! Так и началась моя любовь к психологии. Надо сказать, в этом самом первом наборе многие оказались случайно, потому что тогда никто толком не знал о профессии психолога. У меня даже родители спрашивали: «А чем ты будешь заниматься, больных лечить?»»

Представителем какого направления психологии Вы себя считаете?

Конечно, в широком смысле слова, это психология личности. Я очень рано оказалась в лаборатории, которую возглавляла Лидия Ильинична Божович, и осталась в этой лаборатории на многие годы. А Лидия Ильинична — это та ветвь соратников Выготского, которая связана с психологией личности. В конце жизни и Алексей Николаевич Леонтьев, тогдашний декан факультета психологии, который нас учил и чьими «птенцами» мы являемся, тоже занялся психологией личности. В последние годы жизни это была его главная тема. Но, конечно, я отоношусь к той линии, которую развивала Божович.

Кого Вы могли бы назвать своими Учителями?

Прежде всего, это, безусловно, Лидия Ильинична Божович. Нельзя забыть и ее соратницу, подругу всей жизни Лию Соломоновну Славину (тоже ученицу Выготского), работавшую в этой же лаборатории, ее блистательные исследования и изумительные человеческие качества. Огромное значение для меня в начале моей профессиональной жизни имела совместная работа с Марией Соломоновной Неймарк. Сейчас она живет в США, ей 95 лет.

Как Вас свела судьба с Вашими учителями?

Судьба свела, как нередко это бывало в моей жизни, почти случайно. В нашей группе учился Боря Ланда, сын Марии Соломоновны Неймарк, и он нам рассказывал, какими интересными делами они там в Психологическом институте (тогда НИИ ОПП АПН СССР) занимаются. Рассказы эти были настолько увлекательными, что захотелось пойти туда и что-нибудь такое с ними поделаться. Поэтому я пришла в лабораторию Божович на третьем курсе писать курсовую. И, действительно, было очень интересно. Это был период, когда в этой лаборатории активно занимались экс-

периментальными исследованиями в области развития личности детей и подростков, мотивации, направленности, конформизма. Такого класса экспериментальных исследований с тех пор я не видела.

А до этого у Вас были какие-то предположения, чем Вы будете заниматься?

Строго говоря, нет. Ведь тогда нас не готовили к практической работе, к консультированию. Имелась в виду, прежде всего, научно-исследовательская деятельность, из нас готовили ученых. Выбирая научных руководителей, мы, скорее, выбирали не направление, а людей. Первую курсовую я писала у Блюмы Вульфовны Зейгарник. Ну как у нее было не писать? Она была замечательная, остроумная, интересная. Но позже знакомство с экспериментальными исследованиями в области развития детской личности, о которых я сказала, участие в них окончательно определили выбор направления дальнейшей научной работы.

Какие советы в отношении работы и личной жизни Вам давала Лидия Ильинична?

Она сама была живым примером. Никогда не опаздывала. Не помню, чтобы хотя бы раз она кому-то сказала, что «нехорошо опаздывать», но сама не опаздывала никогда, поэтому опоздать на заседание лаборатории, на встречу с ней было просто невозможно. И вот это отношение к науке как к чему-то по-настоящему важному. Оно у них всех шло от Выготского, он их так зарядил всех. То, как они работали над каждой фразой в статье, с каждым словом, с каждой цифрой — это было такое отношение, которому учить не надо, инструкции не нужны. Все они, мои первые учителя, были такие яркие, такие умные, остроумные, веселые, талантливые, так беззаветно служили науке... Это был высочайший уровень нравственной высоты и порядочности.

Кого Вы считаете своими учениками?

Прежде всего, моих аспирантов. У меня их было не так много, но я со многими из них поддерживаю контакт и знаю, что у большинства удалась профессиональная жизнь. Я этим горжусь. А по «ветви» сказать не могу. Все они люди современные, большинство ушли в практическую сферу.

Тогда, может быть, кого-то из коллег назовете, кто является продолжателем той же ветви, к которой Вы себя причисляете?

На одной «ветви» мы долгое время сидели с Анной Михайловной Прихожан. Вместе провели много исследований, статьи писали, книги, учебники. И у нас была почти общая «божовичевская» точка зрения

на проблему, например, сиротства. Всю бездну материала, которую мы, посланные в 72-й интернат для детей-сирот «что-нибудь поисследовать», получили, мы постарались увидеть через призму теории личности Л.И. Божович. Поэтому мы смогли описать психологию детей-сирот и их развитие не как дефицитарные, а как особый путь развития личности. Последнюю нашу с Анной Михайловной совместную работу — учебник «Психология подросткового возраста» мы отослали в редакцию за неделю до ее смерти в мае 2015 года. Горько.

На чьи еще исследования, взгляды Вы опирались в своих работах?

Конечно, Алексей Николаевич Леонтьев и вся Московская Школа. Лично для меня имела большое значение тесная связь с одним из умнейших философов того времени — Феликсом Трофимовичем Михайловым. Мой муж с ним дружил, мы дружили семьями и часто общались, проводя время, главным образом, за умными разговорами. А еще работы и выступления Эвальда Васильевича Ильенкова, Мераба Константиновича Мамардашвили, Георгия Петровича Щедровицкого. Все эти философы, методологи имели большое значение для развития мозга (*смеется*), мыслить немножечко шире они научили.

Потом, конечно, психоанализ, который вошел в мою жизнь намного раньше, чем был разрешен. Его долгое время критиковали, но Лидия Ильинична говорила: «Ну, в чем-то, конечно, не прав был Фрейд, но в чем-то очень прав». Многие идеи Божович и ее сотрудников включали категорию бессознательного. Из психоаналитиков большое влияние оказал Эрик Эриксон. В 1996 году на русском языке вышла его книга «Идентичность: юность и кризис», которую мы с коллегами переводили. Перевод шел невысказанно трудно, потому что Эриксон сложно пишет. Его на русском-то читать непросто, а на английском практически невозможно, хотя я прилично знала язык. Но вот ты сидишь, понимаешь, как переводятся все слова, понимаешь, как построено предложение, но ты не знаешь, как это сказать по-русски. Пришлось в это вникать медленно, как следует, продумывая буквально каждую фразу, и в итоге это оказалось довольно интересно.

Конечно, приезд К. Роджерса и работа в его группе имели огромное значение для освоения его подхода и глубокого погружения в гуманистический взгляд на психологию и развитие личности.

На какие идеи, может быть, тезисы, Л.С. Выготского Вы опираетесь в своей работе?

Больше всего на немногочисленные, но очень точные и очень важные его тезисы о развитии личности. Это то, что меньше всего нашло отражение в работах других его продолжателей. Скажем, на Западе ведь

его знают только как специалиста в области психологии обучения, когнитивного развития. У нас в России также самая мощная линия — развивающее обучение (Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, В.В. Рубцов и др.). А линия, которую выбрала Лидия Ильинична, — развитие личности, менее всего известна и менее всего развивалась. Здесь и сегодня много осталось открытых вопросов и незавершенных идей.

А какие идеи и положения у Выготского вы считаете самыми важными?

Мне очень нравится его работа, которая связана с изучением аномального развития ребенка. В ней много и про личность тоже, про ее недоразвитие и распад. И для Лидии Ильиничны было важно посмотреть не только на то, как формируется и как функционирует личность, но и как она распадается. Как-то раз, уже незадолго до смерти, она рассказывала: «Вот, сейчас наблюдаю, что происходит с моими высшими психическими функциями. Вижу, например, как нарушается апперцепция, но я контролирую это. Недавно сажу за столом, но не вижу сахарницу, хотя точно знаю, что она должна быть. Тогда я что делаю? Я создаю образ: вот она, эта сахарница, такая стеклянная с серебряным ободком и серебряной ложечкой в ней. И тогда нахожу ее на столе». Так это и работает: чтобы понять норму, надо понять и патологию тоже.

На Западе последователей Выготского очень интересует вопрос, кто был до Выготского, где следует искать корни КИП? Кого из предшественников Выготского, на которых он опирался, разрабатывая свою психологию, Вы могли бы назвать?

Что меня сравнительно недавно поразило в рассказах о Выготском, — это то, что он сам считал себя истинным марксистом и очень обижался, когда его таковым не считали. И, конечно, самые мощные его корни в философии Гегеля. И в этом смысле ранний Маркс с его представлениями о развитии, взятыми у Гегеля, — это ключевое звено в представлении Выготского о развитии, кризисах, этапах. Конечно, он был еще и просто широко образованным человеком. Как рассказывали его ученики, интеллект и память его были такого рода, что даже если он просто листал книжку, то мог цитировать потом любую страницу. Поэтому насчет основания там было все серьезно. И какая мощная гуманитарная культура за ним! Я даже на лекциях всегда рассказываю студентам, что если Ленинградская научная школа и их представления о личности, имеют, прежде всего, естественно-научную подоплеку (В.М. Бехтерев, И.М. Сеченов, И.П. Павлов), то здесь, в традиции Выготского, эта подоплека просматривается в наименьшей степени, здесь все от философии и гуманитарной культуры. Тем не менее Выготский считал, что важно учитывать все, и в конце жизни поступил на медицинский факультет, чтобы

лучше знать физиологическую, нейрофизиологическую стороны жизни человека, его мозг. Прежде всего он зарядил своих учеников энергией, верой в то, что психология — это великая наука, что человеческая психика познаваема, причем научными методами. Он с большим оптимизмом смотрел на развитие психологии и научил этому своих учеников. В те годы, когда я попала в лабораторию Божович, шеститомника Выготского еще не было, а когда-то изданные его тексты были почти недоступны. Но я помню, как Лидия Ильинична и Лия Соломоновна иногда приносили письма Льва Семеновича — пожелтевшие, истлевающие листочки, и с каким трепетом, восторгом они их читали и перечитывали.

Если продолжать в этой оптимистичной манере, каким Вы видите будущее культурно-исторической психологии? Что необходимо для развития?

Это мое частное мнение, но мне кажется ошибкой, что люди, которые занимаются развитием той ветви, которая, в первую очередь, связана с психологией образования, развивающего обучения, достаточно закрыты. Это движение как бы отграничено от многих других идей в этой области. У меня много раз создавалось ощущение, что хэдлайнеры в этой области настолько уверены в своей неоспоримой правоте (только они же — наследники Выготского!), что не готовы слышать других. Они уверены, что только они одни правы, что они лучше всех знают и понимают Выготского.

Я считаю, что такая позиция ошибочна, и искренне надеюсь, что это будет преодолено и что взгляд на вещи в этой области исследования и практики станет значительно шире. Не стоит считать всех, кто думает не совсем так, как внутри этой «корпорации», неправыми.

Перспективным мне представляется движение в сторону социальной психологии, социальной психологии развития. В декабре 2017 года я об этом сделала доклад на семинаре Б.Д. Эльконина, который как раз и посвящен поиску новых «шагов» в развитии культурно-исторической теории. Шаг в сторону социальной психологии позволит изучать культурное развитие ребенка, человека не только в культуре вообще, но и в актуальном социокультурном контексте, так как сегодня именно социальная психология имеет наилучшие возможности для учета этого контекста, можно сказать, она «заточена» на этот контекст.

А возможно ли, на Ваш взгляд, сотрудничество наших отечественных последователей с их зарубежными коллегами?

Конечно, это возможно. Я думаю, что оно не только возможно, но и очень важно, потому что наука всемирна, и это взаимодействие может быть весьма полезным. Конечно, хотелось бы продуктивного взаимодействия, а не просто встреч на симпозиумах и конгрессах. Примером здесь

опять может служить Лидия Ильинична. В то время, когда связь с зарубежными коллегами была намного сложнее, в СССР приезжал Ури Бронфенбреннер, и они с Божович вели совместные исследования. Более того, они совместно интерпретировали полученные данные. Весь интерес состоял в столкновении объяснительных конструктов для одного и того же полученного эмпирического материала. Это замечательный образец сотрудничества — осмысленного, продуктивного, продвигающего.

Наталья Николаевна, а Вы можете вспомнить какой-нибудь забавный случай, который был связан с Вами и с кем-то из Ваших наставников?

Дело в том, что жизнь в этой пятнадцатой комнате Психологического института, где располагалась лаборатория Божович, была непрерывным счастьем. Каждый раз я шла на заседания лаборатории, как на первое свидание, потому что каждый раз это было предвкушением счастья. Если сотрудник, заходя в лабораторию, рассказывал просто даже о каком-то жизненном эпизоде — про детей, внуков, то и это никогда не оставалось просто разговором, как в песочнице. Тут же начинались психологические интерпретации этого случая — что это, с психологической точки зрения? О чем этот случай нам говорит? Как следовало бы на самом деле повести себя взрослому? И так далее.

В то время я еще училась в университете, но уже занималась в лаборатории Лидии Ильиничны. Как-то ко мне подошла Блюма Вульфовна и говорит: «Наташенька, у меня к Вам вот какое деликатное дело. Вы не могли бы как-нибудь разузнать, подарила ли я Марии Соломоновне Неймарк свою новую книжку или нет? Подарить дважды — это же хуже, чем не дарить вообще!».

А вот эпизод, связанный с Алексеем Николаевичем Леонтьевым. Его доклад в аудитории психологического факультета МГУ. Рассказывает про личность и деятельность, нужно как-то показать, что фактор деятельности в развитии личности важнее фактора нервной системы. Алексей Николаевич задает вопрос, обращаясь к Блюме Вульфовне Зейгарник (она скромно сидит где-то во втором ряду): «Как Вы думаете, что для развития личности важнее — свойства нервной системы или цвет глаз?» И ответ Блюмы Вульфовны: «Алексей Николаевич, ну, конечно, цвет глаз!». В то время, когда еще витали в умах идеи Павловской сессии, когда важнее всего были психофизиологические факторы, вдруг парадоксально оказывается, что такая незначительная характеристика, как цвет глаз, для развития личности важнее свойств нервной системы. И Леонтьев был страшно доволен, что Блюма Вульфовна ответила именно так. Потому что, конечно, не сам по себе цвет глаз имеет значение, а то, какую роль он будет играть в реальной жизнедеятельности человека, во взаимоотношении его с другими людьми.

Еще вспоминается Летняя психологическая школа после первого курса. Это было в Пицунде. Туда приезжали очень важные люди, например, Александр Романович Лурия. Он был человеком такого невообразимо буйного научного темперамента, что готов был про науку говорить с нами с утра до ночи. А вы представьте, мы все молодые, лет восемнадцать—девятнадцать, лето, солнце — с утра до ночи про науку никому неохота! Поэтому на каждый день мы назначали несколько человек, которые должны были сидеть, проявлять интерес, задавать вопросы, а остальные в это время загорали, купались, веселились. Хорошо помню эту обязанность — развлекать Александра Романовича, а не наоборот! А еще Александру Романовичу было замечательно сдавать экзамены — не успевал ты сказать хоть какие-то слова, как он перехватывал инициативу и начинал рассказывать про то, о чем у тебя в вопросе.

Мне как-то раз довелось поехать с Александром Владимировичем Запорожцем (еще одним известным учеником Выготского) в Швецию. Его приглашали, и нужен был переводчик — сказали, что можно взять какого-то молодого сотрудника. Александр Владимирович позвонил Лидии Ильиничне, и та сказала, что вот, мол, тут Наташа болтается почти без дела, можете ее взять. Ну и представьте, мы вдвоем с Запорожцем в Швеции! Там была, конечно, масса смешных историй. Однажды нас пригласили в гости домой, а это знак действительно глубочайшего уважения. Приходим мы в этот частный дом, а в гостиной огромное панорамное окно с видом на сад. Март, снег, в саду ничего нет, просто лужайка, занесенная снегом, в центре стоит табуретка, а на ней какая-то открытая большая железная банка. В гостиной же немногочисленные гости, круглый стол, на котором отварная картошка с укропчиком и много видов селедки — говорят, это настоящий шведский стол (а мы-то думали — это наш, русский). При этом рядом, за спинами гостей, на небольших столиках разложены немислимые деликатесы: сыры, огромные куски ветчины, диковинные фрукты — в общем, то, чего у нас тогда нельзя было достать ни за какие деньги. Но это, видимо, с точки зрения принимающей стороны, — мелочь. Мы решились спросить, что же там за окном на табуретке, на что хозяева ответили, что это сюрприз. В самый торжественный момент вносят эту банку, и по комнате распространяется такой запах, что мы сразу поняли, почему это стояло в саду. Оказалось, это какая-то особая селедка, которую даже нельзя вывозить из Швеции, она только для употребления внутри страны. Александр Владимирович мне и говорит: «Знаете, Наташенька, я, пожалуй, нет. А вот вам еще жить и жить, так что пробуйте!». Было вкусно. И это была последняя зарубежная поездка Запорожца.

Лидия Ильинична рассказывала, как они в свое время учились. Выготский, Лурия, Леонтьев — все они были учителями, а она и еще несколько, потом уже хорошо известных людей — студентами. Обычно к экзаменам готовились так. Божович, Славина и еще пара молодых девушек все учили. Саша Запорожец в это время благополучно дремал, а, проснувшись, говорил что-то вроде: «Ну, девочки, рассказывайте, что там и как!». Получал пятерки.

А вот случай можно сказать, исторический анекдот, которому я была живым свидетелем. Однажды, уже в конце 70-х, Алексей Николаевич Леонтьев выступал с докладом в нашем Психологическом институте. Рассказывает про личность и ее развитие. Лидия Ильинична сидит в зале. Красная нить доклада — присвоение культурно-исторического опыта. Многократно возвращается к этому «присвоению», пока в какой-то момент Лидия Ильинична не выдерживает и говорит: «Алексей Николаевич, и все-таки присваивать чужое нехорошо». И это не было просто удачной шуткой (хотя остроумие ее было всем известно): за ней различие в представлениях о развитии у этих двух последователей и соратников Выготского.

Наталия Николаевна, а что бы Вы могли посоветовать, пожелать нынешним студентам?

Возможно, это будет странное напутствие. Мне, например, кажется, что у современных студентов в дефиците умение внимательно и глубоко разбираться в каких-то частных вопросах. Ощущение, что знают и про это, и про то, но как-то в целом. Как же только речь заходит о каких-то конкретных вещах — в этом нет возможности разобраться. А хорошо бы научиться самому докапываться до конца в частных, конкретных вопросах.

И такой совет, хотя и советом это назвать сложно. Еще в студенческие годы у нас был семинар по возрастной психологии, который вел Даниил Борисович Эльконин. Как-то зашел разговор о том, что мы, дескать, все годы учебы стоим на одной и той же платформе — теории деятельности, и, возможно, это неправильно. Даниил Борисович же вспомнил совет своего учителя А.А. Ухтомского: очень важно с самого начала встать на какую-то точку зрения, определенную платформу. Предположим, стать выготчанином — последовательно стоять на этой позиции, и если ты научился на ней стоять, то потом сможешь понять и про другие позиции! Более того, ты сможешь поменять позицию, стать критиком нынешней, но главное — ты можешь это сделать. Но если ты с самого начала не стоишь на какой-либо позиции, что мы сейчас наблюдаем в рамках постмодернизма и плюрализма, то потом очень трудно выстраивать свое мнение, свою позицию. Можно исходно быть

психоаналитиком, как были многие. Они прошли эту школу, и именно поэтому потом из них получалось что-то стоящее, пусть и совершенно иное. Например, немало экзистенциальных психологов вышли из психоанализа. Я думаю, что это была очень сильная и правильная мысль, хотя сегодня ее не назовешь модной. Получился такой вот совет, протянутый во времени, потому что он принадлежит даже не Элькинону, а его учителю Ухтомскому.

*Авторы проекта «Дерево культурно-исторической психологии»
В.К. Зарецкий, Д. Ведмицкая, О. Пичугина.*

INTERVIEW WITH N.N. TOLSTYKH: “I BELONG TO THE TRADITION DEVELOPED BY BOZHOVICH”

For citation:

Interview Withn. N. Tolstykh: “I Belong to the Tradition Developed by Bozhovich”. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2018. Vol. 26, no. 2, pp. 151—160. doi: 10.17759/cpp.2018260210. (In Russ., abstr. in Engl.).